УДК 17

"ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ" КАК ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
Тел.: (382-2)-56-34-24

Рассматривается современное понимание статуса знания и роль проблематизации в его существовании. Делается вывод, что "проблематизация" – это постоянное состояние знание, определяющее поэтому плюрализм познавательных практик.

Тема "проблемы" для эпистемологии всегда представляла собой загадку. В любой период истории философии и науки все, что относилось к сфере человеческого незнания или к сфере человеческого познания, постоянно обладало чертами амбивалентного. Эта двойственность заключалась в том, что, с одной стороны, человек обнаруживал "незнание" в какой-то из областей своего "знания", которое требовалось заполнить, преодолеть, но чем, человек не знал и это необходимо было найти, а, с другой стороны, такое "незнание" могло возникнуть только тогда, когда у человека возникало иное, новое "знание" (хотя бы в качестве предполо-

жения, догадки) по отношению к имеющемуся, что позволяло ему и поставить проблему, то есть выявить, в чем заключается “слабость” имеющегося знания и, соответственно, как изменить сложившееся положение. Получается, что “проблема” не может быть поставлена без наличия хотя бы приблизительного представления о том, как ее решить, а если уже имеется “решение”, то в чем же заключается “проблема”? Подобная ситуация в философии и науке несколько сглаживалась тем, что познание понималось “натуралистически”, то есть “новое знание” увязывалось онтологически с действительностью, позволяющей находить соответствия знаниям в реальности. Можно было что-то “открыть” в природе, “изобрести” (сделать “природное” соответствующим “человеческому”, “разумному”) и т.д. Можно было вообще поставить полностью в зависимость развитие “знания” от природного начала, понимая “первое” как собирание опыта существования “последнего” (эмпиризм). Это позволяет скрыть амбивалентность проблемы, но не устранит ее “загадочность” и противоречивость. Позволяет “скрыть”, потому что новый факт или новый эксперимент выступают не столько решениями проблемы, сколько “поводом” для того, чтобы искать решение. Как считал П. Фейерабенд, любой факт теоретически “нагружен”, а, следовательно, чистого факта не может быть, поскольку факт – это всегда факт как событие действительности, которое уже интерпретировано человеком. А значит называть “проблемой” ту познавательную ситуацию, где обозначена человеческая неудовлетворенность имеющимися знаниями, нельзя. Это скорее проблемная ситуация, то есть момент, период, предшествующий появлению проблемы, но не она сама. Проблема не может возникнуть без имеющегося предварительного понимания того, как ее следует решить. Именно поэтому автор и говорит об ее загадочности, таинственности, сложности и противоречивости.

Необходимость наличия хотя бы предварительного решения позволяет нам говорить о том, что источник и природа проблемы лежат в сфере человеческого знания и сознания. Человек как субъект познавательной деятельности является тем феноменом, от которого зависит появление решения. В этом смысле современная эпистемология придает гораздо большее значение месту и роли человеку в познании, чем классическая. Рассмотрение ею по-новому познавательного процесса и участия в нем человека заставляет искать и новые смыслы и образы “проблемы”. Более того, на взгляд автора, “проблема” как понятие удобнее для понимания познания как “соответствия” или “отражения”, поскольку эти способы понимания снижают степень человеческого участия в познании, делают его роль второстепенной и зависимой от познавательной реальности. Поэтому, с точки зрения автора, ключ к пониманию загадки “проблемы” лежит в таком ее наименовании как “проблематизация”. Преимущество подобного понятия заключается, во-первых, в процессуальном аспекте его смысла, во-вторых, в обозначении того, что знание и действительность могут существовать только через этот вполне естественный для них процесс и, в-третьих, данная транскрипция позволяет четче обозначить место и роль человека в познавательном процессе как его понимает на сегодняшний день эпистемология. Именно эти аспекты и будут главной темой статьи.

В то же время следует оговорить, что “проблемы” самой по себе не бывает. По крайней мере, даже “чистая” проблема, если она и возможна, то это будет все равно “проблема” о чем-то. “Проблема” – это сфера прилагаемая, но не дополнительная и не вспомогательная, а “прилагаемая” к знанию и реальности в качестве их бытия, основы их функционирования. Такое определение “сферы проблемы” не должно нам мешать понять, что и знание, и реальность – это также сферы приложения к проблеме. Иными словами, проблема и знание (знание, потому что в статье речь идет об эпистемологии) – сферы “неразводимые” и взаимосвязанные, чье существование друг без друга невозможно. Таким образом, “прилагаемость” проблемы свидетельствует об особом ее бытии, не сводимом к знанию, хотя и не существующим без знания.

Чтобы лучше представить себе характер взаимосвязи знания и проблемы, можно обратиться и к понятию “знания”.Это не менее “загадочное” и противоречивое понятие. Как пишет Н.Ф. Овчинников, автор, исследующий концепции знания, задаваясь вопросом: что такое знание? и “обращаясь к трудам мыслителей прошлого, я не нахожу убедительного ответа на поставленный вопрос. Более того, некоторые философы отвергали постановку такого вопроса о знании – они сомневались в возможности рефлекторного поворота мысли” [1. С. 84]. Даже рационалист Р. Декарт сомневался в возможности иметь знание о знании (об этом пишет современный немецкий философ В. Хесле [2. С. 19]). Подобная ситуация в философии с подачи М. Хайдеггера стала называться “герменевтическим кругом”. Правда, у последнего речь шла о языке, о том, что о “языке” можно говорить только через “язык”. Но это вполне можно отнести и к знанию, поскольку “знать” можно только “знание”, “знание” выражается только через “знание”. Одновременно такая ситуация будет предполагать, что исследование о том, что такое знание, будет свидетельствовать, что мы говорим о том, определение (понимание) чего еще не установлено. Ведь “знание” о “знании” идет через “знание”, но для того, чтобы понять, что такое “знание”. Еще Платон устами Сократа подмечал такого рода особенность “знания”. В диалоге “Теэтет” Сократ вместе с Теэтетом, ища ответ на вопрос: “что такое знание?”, после продолжительных рассуждений замечает: “А потвоему, это не бесстыдство, не зная знания, объяснять, что значит “знать”? Дело в том, Теэтет, что мы давно уже нарушаем чистоту рассуждения. Уже тысячу раз мы повторили: “познаем” и “не познаем”, “знаем” или “не знаем”, как будто бы понимая друг друга, а меж тем, что такое знание, мы так еще и не узнали. Если хочешь, то и теперь, в этот самый миг мы опять употребляем слова “не знать” и “понимать”, как будто бы уместно ими пользоваться, когда знания-то мы и лишены” [3. С. 257]. Тем самым Платон подчеркивает мысль, что “знание” – это то, что есть, но и это то, чего мы не знаем. Говоря опять же устами Сократа, “и выходит

Теэтет, что ни ощущение, ни правильное мнение, ни объяснение в связи с правильным мнением, пожалуй, не есть знание … И мы все еще беременны знанием и мучимся им …” [3. С. 274]. “Знание” существует по принципу самоотрицания, свидетельствуя о том, что оно есть и, одновременно, что его нет (нам это неизвестно). Именно подобный ракурс “знания” наводит на мысль, что его бытие “проблематизация”. Трудно не увидеть сходство в механизме их существования. “Знание” человек полагает как незнание, поскольку ему, как выше показано, неведомо, что такое “знание”. Однако “незнание” – это “знание” об отсутствии “знания”, отсюда вновь “при-знание” того, что одно (“знание”) без другого (“незнание”) невозможно. Это схоже с “проблемой”, это, по сути, и есть “проблематизация”. То есть осознание того, что имеется “лакуна” в нашей осведомленности о чем-то, которую следует “заполнить” (что такое знание?) и одновременно понимание того, как возможно заполнение “лакуны”, которое тем не менее не снимает сложности проблемы (“знание” – это “незнание, а “незнание” – это “знание”). “Знание” не может существовать иначе, поскольку в таком случае оно перестанет быть собой. “Проблематизация” – это основа функционирования “знания”, основа, понимание которой периодически упускалось. Отсюда и рождалось понимание познания (процесса получения “знания”) как “устранения” “незнания”, его элиминации из человеческих представлений. В таком случае “знание” понималось как средство, благодаря которому человек достигал какие-то необходимые для него цели (покорение природы, торжество разума и т.д.). Признание того, что “проблематизация” – это способ существования знания, несколько меняет ситуацию. Знание тогда обретает статус цели, средством получения которой является “проблематизация”. Подобный пересмотр места и роли “знания” для человека позволяет обрести именно тот статус в познавательной деятельности, который заставит более гибко и ответственно отнестись к собственному существованию и активности. Ведь одно дело, когда действительно “знание” понимается однозначно, как нечто действительно соответствующее положению дел в мире, и совсем иное, когда “знание” неоднозначно и в нем “скрыт” неведанный смысл, могущий изменить содержание знания в любой момент. Поэтому “природа знания” – это путь к тому средству, каким является “проблематизация”, к механизму ее функционирования. Параллельно это путь к новым “метафорам” познания, которые “обогащают” наши представления о нем, а, следовательно, о знании, незнании, мире и человеке. Как писал В.В. Налимов, что познание – это расширение нашего круга незнания. Говоря иными словами, это постоянная “проблематизация” знания.

Однако человек не может довольствоваться характеристиками бесконечного в своем знании. То, что “проблематизация” знания – это естественная основа его функционирования, очевидно для человека. Но абсолютное выражение этой мысли недоступно (в силу ограниченности человеческого сознания хотя бы временем). Поэтому “знание” человек постоянно оформляет через системы подобные теории. Теория представляет собой определенное количество знания, собранное на время и для интерпретации явления или совокупности явлений. Но для такого способа функционирования теоретическое знание вынуждено исключить из себя объяснение тех явлений, знание о которых мешает функционированию теории. Для теоретического знания “проблематизация” означает, как это не странно, такое функционирование имеющейся информации, которое противостоит и не допускает в себя знание, противоречащее наличным представлениям. Теория, говоря словами Платона, выполняет функции “знатока” – хранителя знания. Платон считал, что среди людей есть индивиды, передающие знания, – учителя, индивиды, получающие знания, – ученики и индивиды, хранящие знания, – знатоки. Вот теория и является неким аналогом знатока. Задача знатока (теории) не просто содержать знание, но и сохранить его и не утратить. В такой ситуации вся деятельность знатока (теории) по выполнению своей функции и будет “проблематизацией”. Здесь, “проблематизация” предполагает такой способ существования знания, посредством которого последнее будет отделено от другого знания и не позволит ему проникнуть на “территорию” знатока (теории). Кстати, это постоянный процесс для познания.

К. Поппер подобный способ “проблематизации” характеризует как принцип запрета. “Принципы запрета, действующие в данной теории, – как пишет Н.Ф. Овчинников, – определяют ее область применимости и открывают возможность построения в ней достоверного знания” [4. С. 146]. Такой механизм организации знания не только не противоречит пониманию его функционирования через “проблематизацию”, но и наоборот лишний раз демонстрирует правильность подобной интерпретации. Поскольку “проблематизация”, как можно вывести из ранее сказанного, это всегда присутствие “знания” и “незнания”, наличие границы между ними, то принцип запрета, лежащий в основе организации теоретического знания, и является той линией “демаркации”, где проходит разделение между знанием теории и остальным знанием (которое для теории может быть обозначено как “незнание”). Принцип запрета как механизм “проблематизации” разделяет информационное содержание теории на две части – внутреннее и внешнее. Внешнее имеет предельно широкое толкование и поэтому, по сути, выступает для теории в качестве “предохранительного пояса”. Внутренняя же часть направлена на строгое соблюдение принятых в теории объяснений. Как пишет все тот же Н.Ф. Овчинников, “… внешнее содержание в каждый исторический момент развития знания может оказаться в предельно широкой области за пределами данной теории. Движение научной мысли непредсказуемо, и потому – это область безграничных возможностей теоретической мысли. В то время как внутреннее содержание строго определено принципами запрета, действующими в данной теории” [4. С. 146]. Внешнее и внутреннее теории – это как бы два модуса существования знания, два модуса, которые представляют знание в противоречивом свете. Их наличие – это такая загадка, как признание того, что знание может существовать объективно и субъектив-

но. Ведь это признание существования одного и того же знания как в рамках теории, так и за ее пределами, как в сознании человека, так и вне человеческого сознания. В различных концепциях знания отмечалась подобная особенность. Платон – один из первых философов, задавшийся вопросом: “что такое знание?”, разделял знание на истинное (объективное, внешнее для человека) и неистинное (субъективное, внутреннее для человека). Объективное знание он объединял в особый мир – “мир идей”, а субъективное знание возникает, по Платону, посредством припоминания. Причем, “припоминание” приводит к знанию, которое является “копией” объективного знания. Объективное знание недоступно для человека, но оно стимулирует его познавательную активность. Субъективное знание существует постоянно, “проблематизируя” себя, стремясь приблизиться к своему первоисточнику из мира идей. В этом и состоит процесс познания, процесс, призванный своим функционированием постоянно не доверять “наглядному” представлению.

Современный философ К. Поппер также констатирует пребывание знания в двух формах – субъективной и объективной. У него существуют несколько иные трактовки миров, содержащих эти две формы знания, чем у Платона. Но не это нас интересует. А интересует то, что знание допускает в своей бытийности такие противоположные способы наличия, присутствия, демонстрирует свою зависимость и независимость от человеческого сознания. Не случайно К. Поппер “третий мир” – “мир объективного знания” характеризует как “проблемный мир”. Этим исследователь подчеркивает, что даже объективное знание, то есть знание независимое от человека, не может существовать без “проблематизации” самого себя. Поэтому несмотря на то, что идеал научного знания – это идеал знания объективного, исследователи вынуждены подходить к пониманию знания через “диалогику”, через “разговор” его с самим собой. Объективное знание существует как трансцендентальное знание, которое, согласно И. Канту, занимается “… не столько предметами, сколько средствами нашего познания предметов…” [5. С. 121].

Взаимопереходность знания из объективного состояния в субъективное и наоборот стала предметом широкого интереса философов XX в. Во-первых, уже само обозначение подобной зависимости привело к тому, что философия обратилась к тем средствам, через которые функционирует (“проблематизируется”) знание (язык, знак, символ и т.д.), а, во-вторых, это изменило статус науки, чье знание утратило доминирующее значение с позиции истины.

Одним из первых философов науки, который пытался исследовать “знание” в контексте его “объективно-субъективной” природы, был М. Полани. Именно кризис научного знания заставил его обратиться к такой форме знания как “личностное знание”. Знание науки (теории) в человеческом познании может быть представлено как личностное знание. Человек не может познавать мир вне себя, вне своих представлений о нем. Любое объективное знание в сознании человека “ассимилируется”, “подгоняется” через личностные смыслы и ценности. Но став личностным объективное знание обретает потенциал дополнительных смыслов и значений. Причем эти смыслы и значения могут быть неочевидны даже для их носителя. Исходя из этого, М. Полани свидетельствует, что личностное знание позволяет нам создать теорию “неявного знания”. В основе теории неявного знания лежит тезис о существовании двух типов знания: явного (или центрального) и неявного (периферического). “Явное знание, – как пишет Н.М. Смирнова, – эксплицируется в общезначимых логико-вербальных формах, допуская безразличную к существованию субъекта репликацию. Однако не все знание может быть выражено в общезначимых формах языка и культуры. Неявное знание в принципе не допускает полной экстериоризации и может простираться за пределы сознания. Поэтому в отличие от явного знания, передаваемого адресату в “упаковке” искусственного или естественного языка, неявное знание требует иных средств трансляции. Оно может быть передано посредством личного контакта учителя с учеником и широкого использования остенсивных определений” [6. С. 139]. Неявное знание демонстрирует не только иной модус познавательной деятельности (“не абстрагирования”, а “погружения” в ситуацию), но еще и указывает нам один из вариантов бытия знания – вариант его “проблематизации”. Неявное знание подчеркивает наличие множества способов получения и трансляции знания, демонстрирует бесконечность смыслов и значений, выводимых из уже имеющегося знания.

Надо сказать о том, что концепция неявного знания – это не просто модель, созданная человеческим воображением. В XX в. были совершены открытия, несколько изменившие наши представления о знании и познании, подтвердившие “легитимность” теории неявного знания. Одновременно, как можно догадаться, эти открытия позволяют лучше представить процесс “проблематизации” с позиции указанной сложности его восприятия, а также с позиции преимущества этого понятия по сравнению с понятием “проблема” для современной эпистемологии.

Речь идет об открытии импритинга. Это, казалось бы, далекое от сферы познания явление тем не менее существенно повлияло на развитие психологии, философии и науки вообще. Импритинг, понимаемый как “отпечаток”, “след”, – это врожденное свойство животных (первоначально речь шла об утятах) реагировать на предметы или существа, окружающие их сразу после рождения. То, что животные в отличие от человека появляются на свет с такой генетической программой, которая делает их по сути уже готовыми к самостоятельному существованию, известно давно. Но в импритинге проявилось то, что животные запрограммированы видеть в окружающем мире нечто, не соответствующее информации программы. Что открыл Лоренц? То, что утята ожидают сразу после рождения увидеть мать и поэтому считают своей матерью все более-менее крупное и находящееся рядом с ними. А это может быть не мать, то есть не то, что ожидают увидеть утята. Однако несоответствие “не смущает” утят, и если даже объект, принятый ими за мать, таковой не является,

они все равно видят в ней мать. Философский (эпистемологический) смысл импритинга, таким образом, заключается в следующем. Воспринимающий субъект до всякого опыта обладает информацией, благодаря которой он уже изначально настроен интерпретировать увиденное в соответствии с имеющейся информацией (как будто объект уже "проблематизирован"). Конечно, такой тезис наносил серьезный критический удар по таким метафорам познания, как метафора "отражения" и метафора "соответствия". Получалось, что человек познает, не чисто воспроизводя окружающий его мир и не обязательно ориентируясь на соответствие содержания его знания с действительностью.

Можно, конечно, задаться вопросом, а существует ли механизм импритинга в механизме функционирования сознания человека? На этот вопрос автор позволит себе ответить положительно, поскольку этот факт уже признан наукой. Но и помимо научного признания можно сослаться на опыт собственных, но и не только, ощущений. Ведь для человека всегда особую роль играет событие, которое в той или иной сфере может быть обозначено как "первое". "Первый шаг", "первое слово", "первая любовь" – этот ряд можно продолжать, но нельзя не признавать влияние подобного рода опытов на последующие события и поступки человека в его жизни. И несмотря на то, что речь здесь идет о сфере эмпирической, эта зависимость характерна в целом для сознания человека. Разве не удивляла нас когда-нибудь ситуация, когда мы, не имея абсолютно никакого представления о каком-нибудь явлении, вдруг обнаруживали какую-то "близость", "родственность" его себе. Разве не этой природы явления антропоморфности, которую особенно явно демонстрировали древние, наделяя человеческим обличием природные стихии. Я думаю, что и мифология может быть лучше понята через механизм импритинга, а это архетипический уровень сознания.

Поэтому если принимать импритинг в качестве механизма, характерного для деятельности и человеческого сознания, то уже указанные метафоры познания ("отражения" и "соответствия") ограничат наше понимание познавательного процесса. Импритинг ведь демонстрирует, что человек в познании не пытается воспроизвести или не строит аналогий реальности в сфере сознания, а уже изначально видит в реальности то, что заложено в его сознании (в соответствии с тем, каким знанием он обладает). Чтобы такой механизм четче обрисовать, попробуем привести пример. В окружающем нас мире отсутствуют цвета в человеческом понимании. Ощущение света возникает в результате взаимодействия органов зрения со световым потоком, то есть установки, заданной человеку, и явления окружающего мира. Не случайно поэтому количество цветов у разных народов различное. Так, у северных народов существует более двадцати градаций белого цвета, а у японцев несколько десятков цветов, чего нет у европейцев и т.д. Это подчеркивает, что знание о мире не есть простой результат отражения и поиска соответствующих аналогий, а есть результат взаимодействия человека и мира, причем равного взаимодействия. Подобное взаимодействие и есть "проблематизация" человека и мира. Не случайно в последнее время вместо знания и дополнительно к этому понятию используют понятие "образ мира". Этим понятием хотят подчеркнуть более значимое участие человека во взаимодействии с миром, называемом познание.

"Проблематизация" – термин, указывающий на взаимодействие, на процесс взаимодействия в отличие от понятия "проблема". "Проблема" характеризует только лишь состояние знания, не касаясь ни человека, ни мира. "Проблематизация" же демонстрирует человеческую активность в познании, но не активность в плане господства человека над миром, а активность, связанную с тем, что у человека нет однозначного знания о мире, что такое знание – это лишь идеал. В этом смысле опять вспоминается Платон с его концепцией знания. Ведь, что такое "припоминание" – это взаимодействие человека, "мира идей" (объективного, истинного знания) и природы (окружающего мира), на почве которой и происходит это взаимодействие. Знание, получаемое в результате "припоминания", – это знание "искаженное". Так и импритинг "искажает" явления окружающего мира посредством изначальной установки сознания, создавая разные "реальности" по типу "мира" и "образа мира". И у Платона "знание человека" – это всего лишь "образ идеи", ее "проблематизация".

Подобное понимание процесса познания наиболее активно и полно получило свое распространение в когнитивной психологии. Ее представители как в России (С.Д. Смирнов, В.В. Петухов, Д.Н. Узнадзе и др.), так и зарубежом (Г. Фоллмер, Р. Солсо, Дж. Келли, Дж. Брунер и др.) уже давно говорят о корректирующем воздействии сознания человека на процесс познания. Ими отмечается, что "восприятие реальности не является непосредственным, оно опосредуется перцептивной гипотезой субъекта" [7. С. 57]. Это значит, что актуальные впечатления человека, возникающие в результате восприятия, дополняются субъективно необходимыми элементами и в целом преобразуются так, чтобы соответствовать представлениям, уже существующим в сознании человека в качестве гипотезы. Исследователей, конечно же, интересует генезис "перцептивной гипотезы", способ ее определения. Нас же в связи с этим интересует то средство, с помощью которого это определение происходит. Как пишут О.Е. Баксанский и Е.Н. Кучер, "для выявления ядерных структур образа мира (перцептивных гипотез – И.А.) необходимы и соответствующие условия (объективно-практические) … Это должны быть условия, провоцирующие иной взгляд на привычные вещи, смену представлений, знаний и способов поведения. Диапазон таких обстоятельств довольно широк: от "нерешаемой" творческой задачи до личностного кризиса" [7. С. 61]. То есть, как мы видим, подобная "перцептивная гипотеза" проявляется по сути только при ее "проблематизации". Причем степень "проблематизации" может быть разная: либо несовпадение нашего представления о явлении с самим явлением, либо неудовлетворенность, вызванная самооценкой себя.

Иными словами, "проблематизация" присутствует во всех аспектах функционирования знания, являет-

ся действительно основой его функционирования. “Проблематизация” демонстрирует процессуальный характер “жизни” знания, а также то, что знание возникает в результате взаимодействия человека и мира, знания с самим собой, знания объективного и знания субъективного и т.д. Именно поэтому существует такой “плюрализм” познавательных практик в современной эпистемологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчинников Н.Ф. Знание – болевой нерв философского знания (к истории концепций знания от Платона до Поппера) // Вопросы философии. – 2001. – № 1. – С. 83–113.
2. Хесле В. Гении философии Нового времени. – М.: Изд-во “Наука”, 1992. – 224 с.
3. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во “Мысль”, 1999. – 528 с.
4. Овчинников Н.Ф. Знание – болевой нерв философского знания (к истории концепций знания от Платона до Поппера) // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 124–151.
5. Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. – М.: Изд-во “Мысль”, 1964. – 800 с.
6. Смирнова Н.М. Теоретико-познавательная концепция М. Полани // Вопросы философии. – 1986. – № 2. – С. 136–144.
7. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории “образ мира” // Вопросы философии. – 2002. – № 8. – С. 52–69.